

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

12 января 1971 г. в Институте русского языка АН СССР состоялись чтения, посвященные памяти академика В. В. Виноградова.

Во вступительном слове член-корр. АН СССР Ф. П. Филин охарактеризовал роль акад. В. В. Виноградова в развитии советского языкознания и указал на необходимость дальнейшего освоения его теоретического наследия.

Доклад Н. Д. Арутюновой «О номинативном аспекте предложения» был посвящен некоторым проблемам синтаксической ономологии. Докладчик отметила, что в отличие от «классического» синтаксиса, изучавшего прежде всего отношение синтаксических единиц к логической структуре мышления, в современном синтаксисе обращается больше внимания на отношение предложения к обозначаемой им ситуации. В общую теорию номинации наряду с разделом лексикологии, трактующим наименования отдельных элементов ситуации, входит раздел синтаксиса, изучающий способы обозначения событий. Предложение рассматривается как полный языковой знак, отражающий ту или иную реальную ситуацию. В докладе был рассмотрен вопрос об отличии номинативной функции предложения и его трансформов («пропозиционная» номинация) от номинативной функции, выполняемой существительным. По мнению докладчика, специфика «пропозиционной» номинации состоит в том, что денотатом предложения, в отличие от денотата существительного, в принципе не может быть «вещь», конкретный предмет. Это, между прочим, подтверждается и тем, что обратная трансформация любого назывного предложения в «непредикативное состояние» не имеет своим результатом возвращении к исходному существительному. Ср.: столб → Столб! → То, что это был столб (оказалось роковым). Таким образом, непосредственно называя предмет, номинативное предложение лишается конкретно-предметного значения. При прямом отношении к денотату существительное теряет предметность, перестает

быть знаковым заместителем «вещи». В докладе была показана также зависимость значения слова от его коммуникативной функции в высказывании. Те элементы, которые выполняют в высказывании идентифицирующую функцию, входя в состав темы, имеют денотативное значение, т. е. выступают в роли знакового субститута определенного предмета или понятия. Напротив, слова, выполняющие в высказывании функцию ремы, сообщаемого, остаются обычно на сигнификативном уровне.

В докладе Н. Ю. Шведовой «О соотношении грамматической и семантической структуры предложения» были охарактеризованы главные направления в изучении семантических аспектов синтаксиса и рассмотрены основные категории, формирующие семантическую структуру высказывания. По мнению докладчика, особый интерес к смысловой стороне предложения и ее отношению к так называемой «структуре ситуации» проявляется в работах современных зарубежных исследователей, однако эта же проблема давно привлекала внимание русских грамматистов; под названием «коммуникативный смысл» она нашла освещение и в труде В. В. Виноградова «Русский язык».

Принимая и развивая положение о том, что в формировании семантической структуры предложения обязательно участвуют такие факторы, как: 1) абстрактное значение компонентов грамматической схемы, 2) отношение между этими компонентами и 3) их лексическая семантика, докладчик выразил сомнение в том, что для разграничения и отождествления семантических структур предложения достаточно установить различие или тождество в наборе их трансформов. На ряде конкретных примеров было показано, что семантическая структура предложения объективируется не только (и не столько) в его трансформациях, сколько в его собственном грамматическом поведении — парадигматических видоизменениях, регулярных реализациях, дистрибутивных возможностях

и синтагматических связях. Кроме того, в формировании семантической структуры предложения решающим может иногда оказаться «коммуникативный смысл» предложения, его контекстуальные связи. Результатом взаимодействия этих разнородных грамматических, лексико-семантических и конситуативных факторов является неоднородность семантической структуры предложения, ограничивающая и дифференцирующая его грамматические характеристики.

В докладе Г. А. Золотовой «К взаимоотношениям синтаксиса и семантики» были рассмотрены случаи проявления организующей роли лексики в построении синтаксических конструкций. Были проанализированы два вида номинативных (экзистенциальных) предложений — собственно бытийные и предметные — и выявлены ограниченные способности предложений второго типа к парадигматическим, фазисным и субъективно-модальным видоизменениям, к реализации объектных, субъектных и некоторых видов обстоятельственных (главным образом, временных и причинных) отношений. Докладчик выдвинул положение о том, что вопрос о принципах построения синтаксических конструкций не может быть решен в отвлечении от проблемы отношений языка к внеязыковой действительности, поскольку в синтаксических свойствах слов разных подклассов отражаются свойства явлений объективного мира. По мнению докладчика, представление о «фразообразующей» функции номинатива является преувеличенным; вне зависимости от семантики номинатив — категория морфологии. Семантика имени, отражающая внеязыковую реальность в категориальных подклассах, органически пронизывает синтаксис и обуславливает особенности синтаксического употребления.

Доклад А. А. Уфимцевой «О взаимодействии лексического и грамматического в языке» был посвящен заслугам акад. В. В. Виноградова в развитии грамматического учения о слове. Отличительной чертой русской лингвистической традиции является, по мнению докладчика, интерес к слову, всестороннее изучение его сущности. В работах В. В. Виноградова в наиболее законченном виде было сформулировано учение о формах слова, выдвинуто положение о слове как обладающей морфологической и семантической целостностью основной структурной единице языка, предопределены пути решения вопросов, связанных с разграничением лексических и грамматических аспектов слова, с соотношением его морфологической и семантической структур и др.

В докладе А. В. Бондарко «Приращение поля при исследовании грамматических категорий и проблема залогов» были

изложены основные положения теории функционально-семантических полей применительно к изучению конкретной грамматической категории. Докладчик рассмотрел четыре определяющих признака поля: 1) наличие общих инвариантных семантических функций у элементов поля; 2) наличие определенной структуры, типичным случаем которой является членение «центр (ядро) — периферия»; 3) постепенность перехода от центра к периферии, частичные пересечения («общие сегменты») полей; 4) взаимодействие не только однородных, но и разнородных элементов, в частности грамматических и лексических. Специальное внимание было уделено вопросу членения поля на центр и периферию; для центра характерны: а) максимальная концентрация специфических признаков, б) максимальное число оппозиций, в) наибольшая функциональная нагрузка, г) высокая регулярность и ряд других признаков. На примере функционально-семантического поля залоговости докладчик показал, что грамматическим центром этого поля (собственно залогом) являются сопряженные друг с другом оппозиции актива/пассива, с одной стороны, и возвратности/невозвратности, с другой. Категория переходности относится к «колооядерной» зоне залогов. На периферии поля находятся словообразовательные разряды возвратных глаголов, сочетания со своеобразным взаимным местоимением *друг друга*, «лексический пассив» типа *Он терпит обиду* и некоторые другие явления. Принцип поля, подчеркнул докладчик, уточняет и развивает идеи, принадлежащие грамматической традиции и нашедшие отражение в книге В. В. Виноградова «Русский язык».

В докладе И. С. Улхановой «Словообразовательная мотивация и ее виды» были описаны мотивационные отношения слов в составе словообразовательных гнезд. Отношения являются мотивационными, если они характеризуются следующими признаками: 1) оба слова имеют один и тот же корень и 2) значение одного из них либо полностью входит в значение другого (*победить* — *победитель*, *дом* — *домик*), либо представляет собой его дериват (*бежать* — *бег*, *быстрый* — *быстро*, *белый* — *белизна*). Рассмотрены следующие типы мотиваций: 1) непосредственные/опосредствованные (с внутренним подразделением последних на типовые/внетиповые); 2) исходные/неисходные; 3) единственные/неединственные (внутри последних: основные, сопровождающие и взаимосопровождающие); 4) регулярные/нерегулярные. Особенность последнего типа мотиваций состоит в том, что для их установления необходимы сведения о структуре других гнезд. Каждую мотивационную пару слов можно охарактеризовать с каждой из

этих четырех точек зрения. Предложенная классификация мотиваций может быть использована при описании словообразовательной системы современного русского языка.

Закрывая заседание, Ф. П. Филин сообщил, что традиция виноградовских чтений будет продолжена.

И. Н. Кручинина (Москва)

11 января 1971 г. на кафедре русского языка филологического факультета Московского университета проходили вторые «Виноградовские чтения». Открывая конференцию, В. А. Белошапкова сказала, что «Виноградовские чтения» — это наиболее живая и содержательная форма выражения благодарной памяти о Викторе Владимировиче Виноградове и внимания к его научному подвигу. Вторые «Виноградовские чтения» кафедра русского языка посвятила вопросам истории русского литературного языка и языка художественной литературы, которые неизменно стояли в самом центре научных интересов акад. В. В. Виноградова.

Н. С. Поспелов в докладе «Об одном аспекте изучения синтаксического строя произведений художественной литературы» высказал мысль о том, что изучение синтаксического строя художественной литературы представляет собою специфическую задачу стилистики художественной литературы — филологической дисциплины, основное содержание которой сформулировано В. В. Виноградовым в книге «Стилистика — теория поэтической речи — поэтика». Н. С. Поспелов выдвинул следующие принципы изучения синтаксического строя литературно-художественных произведений: 1) при анализе синтаксического строя текста не следует описывать отдельные синтаксические конструкции. Необходимо исследовать синтаксические связи и соотношения между группами предложений — сложными синтаксическими целыми, образующими в коммуникативном плане единство, а также соотношение между входящими в их состав предложениями; 2) изучая синтаксический строй литературно-художественного произведения, необходимо учитывать, что мы изучаем непосредственно его речевую ткань и тем самым индивидуальную речь писателя в ее творческом выражении; 3) при изучении синтаксического строя литературно-художественного произведения необходимо проследить скрепление двух форм выражения времени — времени субъекта речи, направленного в будущее, и отражаемого автором в произведении времени событий, уходя-

щего в прошлое. При анализе синтаксического строя литературно-художественного текста целесообразно, по мнению Н. С. Поспелова, учитывать соотношение временных планов его частей, а также соотношение повествовательного и описательного слоев в едином контексте высказывания, осуществляемое употреблением глагольных форм сказуемого в определенных временных значениях. Данное положение иллюстрировалось Н. С. Поспеловым наблюдениями над отдельными строфами романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

Сообщение И. И. Ковтуновой было посвящено некоторым сторонам преобразования синтаксической структуры текста в прозе Н. М. Карамзина. Развивая мысли акад. В. В. Виноградова об основном направлении карамзинской реформы синтаксиса, И. И. Ковтунова остановилась на наиболее существенных сторонах этой реформы, к которым она относит изменения в принципах расположения слов и ритмико-интонационного членения речи. Слово-расположение, господствовавшее в XVIII в., характеризовалось свободой порядка слов внутри словосочетаний и скланностью в расположении частей предложения. В «новом слого» восторжествовал противоположный принцип: строгие нормы в расположении компонентов словосочетаний и большая свобода, большая гибкость в расположении частей предложения. Строгие нормы расположения компонентов словосочетаний могли и должны были нарушаться лишь тогда, когда этого требовало актуальное членение текста. Вне задач актуализации нарушение этих норм у Карамзина не допускалось. С изменениями в принципах словорасположения теснейшим образом было связано преобразование в «новом слого» ритмико-интонационной структуры текста. В основу ритмико-интонационного рисунка текста было положено членение речи на короткие и сравнительно одинаковые ритмические отрезки (речевые такты) с более сильными ударениями в конце речевых тактов, а в целом предложении — в конце предложения.

С докладом «Формы синтаксической изобразительности и индивидуальный синтаксис писателя» выступила Е. А.

Иванчикова. Она изложила общие положения теории синтаксической изобразительности, которая ясно, глубоко и перспективно намечена в трудах акад. В. В. Виноградова, но не получила в его научном творчестве законченного оформления. К средствам синтаксической изобразительности В. В. Виноградов относил конструкции с присоединением и противоположные им по своему изобразительному эффекту синтаксически «замкнутые» построения; прерывистые конструкции, отделяемые эмоциональными паузами; анафорически организованные описательно-характеристические периоды; внутреннюю речь. Далее Е. А. Иванчикова представила формы синтаксической изобразительности в контексте проблемы индивидуального синтаксиса писателя. Индивидуальный синтаксис писателя — это система часто употребляющихся в разных художественных произведениях данного писателя излюбленных, иногда специфичных по форме и по функциональному использованию, синтаксических построений. Е. А. Иванчикова обобщенно представила результаты предварительных наблюдений над одной разновидностью экспрессивных синтаксических построений, характерных для определенных, тематически однотипных, частей художественных текстов Ф. М. Достоевского, а именно, над инверсивными построениями с субъективным порядком слов типа «Озабоченный и серьезный проснулся Разумихин на другой день в восьмом часу» («Преступление и наказание»).

В докладе Л. П. Жуковской «О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода» было показано, что церковнославянский язык фонетически «обрусел» с самого начала переноса его на восточнославянскую почву; позднее были почти полностью русифицированы морфология, синтаксис словосочетаний, простое и сложносочиненное предложение. Сложноподчиненное предложение было известно создателям памятников деловой письменности, складывавшихся еще до принятия христианства и позднее записанных, и новгородских берестяных грамот. Далее Л. П. Жуковская на богатом материале написанного на Руси Метислова евангелия (1115—1117), где по нескольку раз (до пяти) встречаются одни и те же тексты, показала, что южнославянские и древнерусские писцы свободно варьировали лексику даже в одном и том же тексте одной и той же богослужебной книги и что в начале XII в. на Руси не было единого и притом неюточнославянского по происхождению словаря церковных книг, который мог бы впоследствии развиваться по единому русуду вплоть до наших дней. Сам церковнославянский язык складывается на

Руси лишь после появления в конце XIV — начале XV в. четвертой редакции (по Г. А. Воскресенскому) богослужебных книг, заменивших книги древнерусской редакции. Он характеризуется нарочитой архаизацией языка и внедрением южнославянизмов.

Доклад В. Д. Левиной был посвящен вопросу о роли и месте художественной литературы на последнем этапе формирования русского национального литературного языка (первая треть XIX в.). Именно в этот период решалась проблема «разговорного» слоя как органического и нормативного элемента нового национального литературного языка (в тесной связи с процессами нормализации самой разговорной речи). Вопрос о границах книжного, традиционного элемента в новом литературном языке был, как считает докладчик, решен в главных своих чертах уже в предшествующий, «карамзинский» период. Закрепление разговорности в экспрессивной функции в пределах литературной нормы означало, что литературный язык получал опору в речевом общественном узусе. Этот важнейший и решающий для развития литературного языка нового времени результат был достигнут прежде всего в художественной литературе. Докладчик выдвинул понятие «художественной повествовательной нормы», в которой осуществляется принцип немотивированности (или минимальной мотивированности) разговорного элемента жанром, объектом изображения и т. д. В этой категории сливаются общелитературные и собственные эстетические задачи; история складывания современной «повествовательной нормы» представляется докладчиком как одна из «глав» истории литературного языка.

В докладе «Зависимость стилистической системы славянских литературных языков от структуры („типа стандартности“) литературного языка (опыт сравнительного анализа)» Н. И. Толстой показал различия в формировании стилистической системы русского и сербскохорватского литературных языков.

В заключение А. В. Степанов сделал сообщение об основных идеях спецкурса В. В. Виноградова «Пушкин и Гоголь», читавшегося в 1967—1969 гг. Докладчик кратко рассказал о том, как, по мнению В. В. Виноградова, Гоголь творчески развивал пушкинские стилистические приемы.

А. З. Скрипиченко (Москва)

*

XIII сессия Постоянной Международной алтаистической конференции (PIAC)

проходила с 25 по 30 июня 1970 г. в Страсбурге: это была первая сессия конференции, организованная во Франции. В настоящее время во Франции имеются три главных научных центра, которые могли бы претендовать на роль организаторов сессии: это старейший столичный центр (Université de Paris—Institut d'études turques, Ecole pratique des langues orientales vivantes, Centre national de la recherche scientifique) и два университета, в которых востоковедческие исследования начались сравнительно недавно, — университет в Эксе (Прованс) и университет в Страсбурге. Выбор последнего свидетельствует о признании научных и организационных успехов Института тюркологии этого Университета, достигнутых в последние годы под руководством проф. Ирены Меликов.

В работе сессии принимали участие представители 13 стран: Франция (31 участник), Турция (18), ФРГ (14), США (9), Венгрия и Великобритания (по 6); Финляндия, Индия, Норвегия, Швейцария, Португалия (впервые), Болгария и Польша прислали по одному участнику. На сессию не смогли приехать докладчики из СССР (в программе было предусмотрено 15 советских докладов), Монголии, Румынии и Чехословакии.

Сессия в Страсбурге была посвящена проблеме «Религиозные и параллельные традиции у алтайских народов», выбор которой был несомненно связан с тем, что, помимо ориенталистических учреждений, в подготовке сессии участвовал Центр исследований по истории религий (Centre de recherches d'histoire des religions). Сессия объединила, наряду с филологами, историками, археологами и этнографами, еще и довольно многочисленных историков религий. Работа велась по трем секциям: I — шаманизм, II — ислам, III — разное.

На пленарном заседании выступили декан гуманитарного отделения Страсбургского университета и руководитель Центра исследований по истории религий проф. М. Симон; генеральный секретарь РИАС проф. Д. Спир (США), директор Института тюркологии Парижского университета проф. Л. Базэн; директор Института тюркологии Страсбургского университета и председатель настоящей сессии проф. Ирена Меликов. Доклад о деятельности братств дервишей в Малой Азии, основанный на изучении около 200 документов, прочел проф. О. Л. Баркан (Турция). Дальнейшая работа проходила в секциях, где было прочтано более 50 докладов, многие из которых вызвали оживленную дискуссию.

Было прослушано несколько сообщений о монгольском шаманизме, из которых отметим следующие: Н. Поппе (США) «Описание шаманизма в одном бурятском источнике XIX в.», Л. Беше

(Венгрия) «К вопросу о бурятском шаманизме», М. Таттар (Венгрия) «Культовый и связанное с ним предписание в одном монгольском юридическом акте», В. Хейсиг (ФРГ) «Религиозные мотивы в народной поэзии трахтар-монголов», Ч. Бюден (Великобритания) «Некоторые рукописные источники народных поверий в Монголии». Монгольские обычаи, в меньшей степени связанные с религией, рассматривались в докладах Р. Хамайон (Франция) «Почему и как именуют в Монголии» и Х. П. Фитце (ГДР) «О некоторых древних свадебных обычаях у баяд-монголов (на материале собственных полевых исследований 1967 г.)». К языковедческой тематике близок доклад И. Кечкемети (Финляндия) «Женский язык как проявление табу в ойротском». С. Ягшид (Тайвань) говорил о буддизме в Монголии после упадка династии Юань; доклад А. Рона-Таша (Венгрия) «Магические силы, сны и ворожба в алтайском мире» касался верований всех алтайских народов. К тюркологической тематике примыкал доклад Э. Таубе (ГДР) «Отражение религиозных представлений в повседневных обычаях тувинов Западной Монголии».

На сессии была широко представлена во всех трех секциях тюркологическая проблематика, главным образом, в соответствии с профилем сессии, — это вопросы, касающиеся религии и относящиеся как к древнейшему периоду тюркского единства в Восточной и Средней Азии, так и к позднейшим эпохам обитания турков в Анатолии и на Балканах. Укажем здесь доклады Х. Танйу (Турция) «Культовый культ в Турции», Ж. Л. Бакс-Граммона (Франция) «К проблеме пальмантии у турков»; И. Циртас (США) «Шаманские обряды у современных узбеков», Э. Трыарского (Польша) «Религия печенегов». С большим интересом был встречен доклад Ж. П. Ру (Франция), касавшийся как будто слишком узкой темы: «Зависимость в традиции тюркских народов», тогда как доклад С. Вриониса (США) «Человеческие жертвы у раннеосманских турков (на основе греческих источников)» вызвал сомнения, особенно у турецких ученых. А. М. Лот-Фальк (Франция) сделала доклад на тему «Иблис и его воплощения», П. Н. Боратав (Франция) говорил о малоизученном папулестом турецком празднике «сай», распространенном у анатолийских турков и у азербайджанцев. Большое число сообщений было посвящено истории и традициям религиозных исламских общин, орденов и братств у турков: В. Кремерс (Турция) «Шаманские субстраты у бекташей»; И. Акчай (Турция) «Шаманские субстраты у бекташей Анатолии»; К. де Планоэль (Франция) «Разыскания по географии религий Ана-

толии, Б. Н о я н (Турция) «Шаманизм и бекташи», Е. М е й е р о в и ч (Франция) «Сверхъестественное познание и религиозная интуиция у анатолийских мевлев», Х. К а л е ш и (Югославия) «Хальветское братство в Югославии», Б. С е з е р (Турция) «Буддизм и мистические мусульманские ордены в Анатолии».

Несколько дальше от основной тематики сессии стояли доклады Т. Г ё к б и л г и н а (Турция) «Реформаторские тенденции в Османской империи в XVII в. и религиозные традиции»; И. Э р е н а (Турция) «Турецкая наука и культура на Балканах», П. М и я т е в а (Болгария) «О религиозных элементах в турецких эпиграфических памятниках Болгарии». Ряд сообщений касался отражения религиозных явлений в пластическом искусстве и в музыке тюркских народов: Э. Э с и н (Турция) «Апотропеическая маска и лук с драконом в турецком искусстве», Н. Д и я р б е к и р л и (Турция) «Художественные проявления алтайских верований у селджукидов», Б. М о г э н (Франция) «Макам и последовательность звуков в гамме в народных музыкальных традициях турецких религиозных братств».

Несколько выступлений не были рассмотрены тематикой сессии, но оказались очень важными для изучения древнейшей тюркской культуры. Дж. Г а м и л ь т о н (Франция) посвятил свое выступление известной двуязычной китайско-тюркской рукописи из Дунхуана, хранящейся в Британском Музее, и осуществленному им новому чтению тюркского текста. Новые чтения и интерпретация некоторых манихейско-тюркских рукописей из Турфана были предложены П. Ц и м е (ГДР).

Особый интерес слушателей вызвал доклад И. М а т у з а (ФРГ) «Три неизвестных орхонских фрагмента», представляющий собой по существу *editio princeps* продолжения известной надписи памятника в честь Кюль Тегина. Речь идет прежде всего о небольшом фрагменте текста, открытом на каменной черепашке несколько лет тому назад экспедицией монгольских и чехословацких ученых. Чертеж этой надписи уже опубликован акад. Ринченем.

Тюркскому языкознанию были посвящены доклады З. К о р к м а з (Турция) «Исконная долгота гласных в старососманском», а также Л. Б а з э н а «Тюркские названия орла», где предлагается в тюркизме *беркут*, известном русскому, украинскому и польскому языкам, выделять элементы *bärk + qut* «большой, постоянный *qut* (т. е. удача, благословение, счастье)». Новым, не применявшимся до сих пор в тюркологии подходом и методикой обратил на себя внимание доклад А. Т р е т ь я к о в о й (Франция) «Исследование гармонии гласных применительно к турецкому и узбекско-

му». Здесь средствами теории информации с использованием электронно-вычислительной машины были описаны количественные отношения между гласными соседних слогов (подобное исследование по киргизскому языку уже было опубликовано докладчиком).

Уровень докладов, многие из которых явились обобщением собственных полезных наблюдений их авторов, был достаточно высоким, что и определило научный успех сессии. Следующая сессия РИАС состоится в 1971 г. в Венгрии по приглашению Сегедского университета.

По официальному сообщению, создан Тюркологический Совет (*Conseil des Etudes Turques*) под председательством проф. Л. Базэна (Франция) — организация, не зависящая от РИАС и подчиненная Международному союзу востоковедов (*Union Internationale des orientalistes*).

В заключение следует сказать о новых изданиях, выставка которых была подготовлена по случаю сессии РИАС французскими, турецкими, голландскими и венгерскими издателями. Среди этих изданий надо отметить прежде всего первый выпуск нового и одновременно первого во Франции журнала, специально посвященного тюркологическим вопросам, — «*Turcica*». Это ежегодник, издающийся Институтом тюркологии Страсбургского университета при участии институтов аналогичных профилей при университетах Парижа и Экса (Прованс). В «*Turcica*» будут публиковаться (на французском и английском языках) статьи, касающиеся «всего тюркоязычного мира с преимущественным вниманием к собственно Турции».

Другое новое издание — «Монгольские исследования» («*Etudes mongoles*», 1, 1970). Этот ежегодник будет публиковать материалы и документы по монголоведению, в первую очередь по вопросам языка и культуры.

Участникам сессии был роздан пятый номер информационного бюллетеня РИАС «*Newsletter*».

Помимо информации о подготавливающихся к печати работах, среди которых особого внимания заслуживают два фундаментальных труда — «Этимологический словарь древнетюркского языка до XIII в.» («*An etymological dictionary of pre-13th-century Turkish*») Дж. Клоусона и монография А. ф. Габен об уйгурском царстве в Хочо, — участникам сессии было объявлено о переиздании большого числа специальных востоковедческих работ, предпринимаемом несколькими фирмами в весьма широком масштабе (достаточно сказать, что только одна из них планирует более 100 переизданий, в числе которых работы Э. Шаванна, К. И. Черемисова — Н. Г. Румянцев, А. Жюбера, Г. Вамбери, Н. М. Пржевальского, Б. Я. Вла-

димирцова и др.). Вышли из печати два выпуска первого из двух подготовленных в настоящее время индекс к «Опыту словаря тюркских наречий» В. В. Радлова — «Radloff „Index der deutschen Bedeutungen“, zusammengestellt und hrsg. unter Leitung und Redaktion von A. v. Gabain und W. Veenker, 1. Lief. — 1969, 2. Lief. — 1970).

Э. Трягский (Варшава)

Перевела с польского С. М. Толстая

7 — 11 декабря 1970 г. в Москве состоялась организованная Институтом востоковедения АН СССР Всесоюзная конференция индологов, в которой приняли участие языковеды, литературоведы, искусствоведы, историки и экономисты. Наибольшее число докладов было представлено лингвистами.

Во вступительном слове акад. Б. Г. Гафуров отметил достижения отечественной индологии, в том числе в области языкознания, выразившиеся в создании грамматических очерков, учебных пособий, словарей и многочисленных научных исследований, посвященных языкам как современной, так и древней Индии.

Новые индологические центры появились в ряде союзных республик нашей страны. Развитию индологии в Узбекистане был посвящен доклад С. И. Тансыкбаевой (Ташкент), в Таджикистане — доклад А. Гафарова (Душанбе) «Индология в Таджикистане и ее перспективы», о работах грузинских ученых в области индийского языкознания доложила М. К. Андроникашвили (Тбилиси) «Индо-грузинские отношения и работы грузинских ученых в области индологии». Названные доклады, а также доклад Ю. В. Кнорозова, Б. Я. Волчек и Н. В. Гурова (Ленинград) «Исследование протоиндийских надписей» были прочитаны на пленарном заседании конференции, остальные были прослушаны на заседаниях секции языкознания.

Несколько докладов было посвящено вопросам языковой ситуации. А. Т. Аксенов (Москва) в докладе «Основные типы лингвистических ситуаций в бывших колониях» отметил, что в странах моноязыкового типа происходит постепенная замена иностранного языка местным, в странах же полиязыкового типа функция межнационального общения переходит к одному из местных языков.

В. А. Чернышев (Москва) в докладе «Диалектная литература как элемент и фактор языковой ситуации в областях распространения хинди» охарактеризовал диалекты хиндиязычного аре-

ала как зональные языки, различающиеся лексическим составом и грамматическим строем, но не получившие официального признания.

В докладе П. А. Баранникова (Ленинград) «Полилингвизм в Индии» отмечалось, что в древности для образованных слоев был характерен билингвизм типа «родной язык (один из праkritов) — санскрит»; с распространением в стране мусульманства схема полилингвизма могла разрастись до типа «родной язык — санскрит — фарси — хинди»; позднее схема многоязычия свелась, в основном, к типу «родной язык — английский», что характерно и для современной Индии.

В докладе Е. А. Снесаревой (Москва) «А. Е. Снесарев о языковой ситуации в Индии в 20-х гг. XX в.» излагались взгляды ученого, уделявшего значительное внимание изучению проблемы народных языков и территориальных диалектов, их фонетической и грамматической характеристике, их лексике и системам письменности.

В докладе М. Хэллиг (ГДР, Лейпциг) «О роли английского языка в общественной жизни современной Индии» в числе факторов, влиявших на положение английского языка, выделены английское колониальное господство, выполнение английским языком функций межгосударственной коммуникации, борьба крупной индийской буржуазии за сохранение английского.

Ряд докладов был посвящен вопросам морфологии, синтаксиса, лексики, языковых контактов. М. С. Андронов (Москва) в докладе «Из истории частей речи в тамильском языке: прилагательное» рассматривал современное тамильское прилагательное как форму, исторически восходящую к «спрягаемому», или «прономинализованному», именам 3-го лица мн. числа ср. рода, которые впоследствии утратили категорию рода, числа и падежа, сохранив единственную функцию препозитивного определения.

В докладе А. А. Бельковича (Москва) «О склонении в сингальском языке» критиковалась традиционная система падежей. Исходя из реального значения винительного падежа предлагается называть его определительным. В докладе рассматриваются значения остальных падежей и высказываются предположения о происхождении падежей в этом языке.

В докладе А. С. Бархударова (Москва) «Факторы функционирования и развития лексики хинди (К проблеме синхронной и диахронической классификации языка)» систематизированы выводы, полученные в результате индуктивного описательного анализа словарного состава и моделей современного литературного хинди. Во втором докладе «Семантические аспекты истори-

ческого анализа (К вопросу о применении лингвистических методов в социологических исторических исследованиях)» А. С. Бархударов постулировал основные выводы и положения первого доклада в социологическом аспекте и предложил ввести «лингвосоциологию» и «лингвисторию» как автономные отрасли в системе социологических и исторических дисциплин.

В докладе А. Н. Шаматова (Ташкент) «Асимметричные явления в словарном составе северного и южного хиндустани» сравнивался северный диалект кхари боли с его южной разновидностью даккхини, распространенной на территории языков маратхи и телугу, выявлялись значительные различия в терминологии и в бытовой лексике. Сближение даккхини с литературным хинди способствует употреблению хинди как официального языка на территориях, где применяется даккхини.

А. Н. Шаматов прочитал еще два доклада «О лингвистической подлинности произведений Амира Хусро Дехлеви» и «Тюрко-индийские языковые контакты».

Доклад А. Н. Зубкова (Москва) «Общие проблемы антропонимики хинд-язычного ареала» анализировал индусские и мусульманские имена в Индии, содержащие информацию о религиозной принадлежности, о правах и обычаях, об этническом составе и социальном происхождении носителей этих имен.

Доклад С. Л. Невелевой (Ленинград) «Этническая антропонимия (опыт описания структуры)» был посвящен анализу и семантической классификации основных типов антропонимов. Выделены четыре основных антропонимических типа: словарные имена (личные), имена, производные от денотата, имена-эпитеты и аппеллятивы, функционально тождественные имени личному (функциональные имена).

Ю. А. Смирнов (Москва) в докладе «Герундий-I в панджаби и его система» рассмотрел неличную глагольную форму, ранее отнесенную исследователями к системе причастия-I. Поскольку эта форма объединяет в себе глагольные и субстантивные признаки, докладчик определил систему ее падежей и установил особенности сочетаемости герундия-I с другими словами.

В докладе Б. И. Кузнецова (Ленинград) «Парадигматическое дерево неспрагаемых форм глагола языка маратхи» формы представлены в виде системы последовательной и параллельной производности. Используя понятия морфологической, косвенной, производящей основ слова и постфикса, докладчик рассмотрел неспрагаемые формы как дериваты четырех классов производности.

В докладе Б. А. Захарьина (Москва) «Генезис видо-временных отно-

шений в языке кашмири» было охарактеризовано современное состояние видо-временной системы и реконструированы видо-временные состояния предшествующего периода.

А. Р. Усманов (Москва) в докладе «К вопросу о сочетаемости свойств переходных глаголов урду», используя понятие синтаксической валентности, провел дополнительную классификацию глаголов, которая обычно не находит достаточного отражения в грамматических описаниях языка урду.

В докладе В. А. Мухамеджановой (Ташкент) «К вопросу о категории залога в языках урду и хинди» залог рассматривался как морфолого-синтаксическая категория, которая в урду и хинди либо связывает действие непосредственно с тем или иным лицом, либо представляет действие безличным.

В. П. Липеровский (Москва) в докладе «Прямой падеж имени существительного в хинди и функция субъекта действия», вводя понятия специфической формы и отличительной функции, отметил, что в сфере выражения значений агенса (субъекта действия, выраженного глаголом) и пациенса не существует однозначного соответствия между формами прямого и косвенного падежа, с одной стороны, и функциями агенса и пациенса, с другой.

Доклад Е. М. Быковой (Москва) «Каузативные формы, их место в системе других форм глагола» был посвящен проблеме определения категориального значения каузативных форм бенгальского глагола; был сделан вывод о целесообразности рассматривать категорию каузативности как часть более общей категории — категории переходности.

Доклад Пуроби Мукерджи (Москва) и Б. М. Карпюшкина (Москва) «Личные формы глагола бенгали в функции определения» содержал обзор средств, которыми восполняется отсутствие среди собственно бенгальских неличных глагольных форм активного причастия несовершенного вида: некоторые разновидности сложноподчиненного предложения, заимствованные древнеиндийские причастия и др.; а в разговорном языке — употребление непереходных глаголов в качестве определения. В другом докладе Б. М. Карпюшкина «Неличные глаголы бенгали, ория, ассами в функции детерминанта» показано употребление их в предложениях различных типов, в том числе в односоставных с номинантом в качестве главного члена.

В докладе Н. Г. Красномоевской (Ленинград) «Синтаксические функции неличного глагола в сингальском языке» выделены неличные глагольные образования и рассмотрены возможности участия этих форм в различных синтаксических конфигурациях (без учета сложно-вербальных образований).

Доклад М. А. Дашко (Москва) был посвящен теме «Некоторые особенности переходного глагола языка малаялам».

В докладе С. М. Дымшица (Москва) «К вопросу о сказуемом в языке хинди (проблема классификации)» предлагается два типа классификации сказуемого, по способу его выражения: а) глагольное, б) именное и в) смешанное (глагольно-именное) и по структуре: а) простое, б) составное, в) сложное.

Анализ предложений, произведенный в докладе Г. М. Даденко (Москва) «Социативная синтагма в языке урду и характеристика ее компонентов», показал, насколько широко в синтаксисе урду и хинди используется социативная связь, на базе которой выделены четыре класса двувалентных компонентов, три из которых реализуются неличными формами глаголов.

В докладе Ю. А. Смирнова (Москва) «Общие типы отношений между компонентами сложного предложения (на материале языков панджаби и лехнди)» установлены три основных типа таких отношений: параллельный, реляционный и корреляционный, причем наиболее распространенным являлся реляционный тип отношений.

В докладе Т. А. Чавчавадзе (Тбилиси) «К вопросу о соотношении детерминативного компонента с определением и определяемым в санскрите и древнеперсидском» показано, что инверсия в композите может происходить с целью достижения экспрессивности.

Доклад М. С. Модebaдзе (Тбилиси) «Об иранских фонетических заимствованиях в языке хинди» подтверждает положение о том, что при проникновении иранизмов в язык хинди преимущественную роль играл таджикский язык (а не персидский).

А. Т. Аксенов в докладе «*Праджан-мантри* или *праджан-мантри*?» охарактеризовал *праджан-мантри* (муж. род.) «премьер-министр» как существительное общего рода; в современном хинди, особенно среди имен деятеля, употребляется значительное число таких существительных.

Л. А. Бархударова (Москва) в докладе «К вопросу о падежной системе в новоиндийских языках (на материале хинди и маратхи)» считает конструкции «основная форма + простой постлог» устойчивыми грамматическими и семантическими неразложимыми соединениями морфологического типа, что позволяет включать подобные конструкции в падежную парадигму склонения особого семантического типа (в отличие от флексивной и агглютинативной парадигм).

В докладе В. И. Горюнова (Москва) «Релятивно-коррелятная конструкция в хинди (союзное слово *джо*: некоторые особенности употребления)» содержался анализ различных вариантов использо-

вания этого союзного слова, которое может выступать как в качестве подчинительного союза, так и в качестве самостоятельного местоимения — члена придаточного предложения.

В докладе Л. М. Чевкиной (Москва) «Дистрибутивные особенности детерминатива *-та* в современном бенгали» отмечалась особая роль *-та* в системе бенгальского языка: по сравнению с другими детерминативами у него больше дистрибутивных возможностей [он может присоединяться к существительным (одушевленным и неодушевленным), числительным, местоимениям, прилагательным, наречиям], он может субстантивировать прилагательные, числительные, указательные местоимения.

Т. Халмурзаев (Ташкент) в докладе «Социальная обусловленность лексики прессы урду в Индии» отметил, что пресса, издающаяся в Индии для индусов, содержит значительное число санскритизмов. Пресса же урду, издающаяся для мусульман, сохраняет значительно больше число арабо-иранизмов.

В докладе Х. Бегизовой (Москва) «Английские заимствования в хинди» излагалась история проникновения в хинди этих заимствований и приводилась тематическая классификация этих словарных единиц, относящихся к общественно-политической, научно-технической и бытовой лексике.

Основная часть доклада В. А. Макаренко (Москва) «Некоторые вопросы лексикографического описания русской идиологической терминологии» была посвящена разнообразным теоретическим и практическим вопросам систематизации и лексикографического описания данной терминологии.

На заключительном пленарном заседании было принято решение о проведении регулярных совещаний идиологов-языковедов.

П. А. Баранников (Ленинград)

*

Словацкая ономастическая комиссия при Научной коллегии по языкознанию Словацкой академии наук функционирует как координационный орган по изучению собственных имен на территории Словакии. На ежегодных ономастических конференциях (с участием чешских, а иногда и зарубежных специалистов) в центре внимания находятся теоретические вопросы. При этом используются результаты исследования главным образом словацкого материала.

Словацкая ономастическая комиссия в сотрудничестве с педагогическим факультетом в Банской Быстрице 4—6 ноября 1970 г. организовала на факультете III словацкую ономастическую конференцию. В работе конференции участвовали сотрудники

Института языкознания им. Людовита Штура САН, философского факультета университета им. Коменского в Братиславе, педагогических факультетов в Банской Быстрице, Нитре, Прешове, Трнаве; участниками конференции были также чешские ученые.

Главной темой конференции был вопрос о личных именах в неофициальном употреблении как материале для структурно-типологического и сравнительного исследования. Их изучение позволяет установить процессы исторического развития, а также функционирование синхронной антропонимической системы. На конференции рассматривалась также проблематика мужских и женских именований в современном и историческом аспекте.

Во вступительном докладе «Проблематика исследования неофициально употребляемых личных имен» председатель СОК В. Бланар сказал, что целью структурно-типологического изучения неофициальных личных имен является изучение мужских и женских имен как системы. «Семантика» личных имен (семантические дифференциальные признаки имеют здесь специфический антропонимический характер) вытекает из социальной обусловленной идентификации человеческих индивидуумов. Дифференциальные признаки имен — это его антропонимические функции. Класс личных имен с одинаковыми антропонимическими функциями представляет собой модель. Данную модель образуют личные имена разных языковых типов. Система личных имен во многом отличается от апеллятивной лексики. Отдельные модели определенным образом географически распределены. Ареалы наиболее частотных моделей можно картографировать. В неофициальных именованиях наблюдается смешение двух систем. Отчасти здесь находит продолжение старая одноименная система, базирующаяся на принципе индивидуального именования, отчасти генерируются новые модели из сферы официальных имен. Анализ неофициальных личных имен в Словакии (Я. Матейчик и Я. Решетар) и нижнем Ходске (М. Майтанова), а также в литературных произведениях (М. Майтан) подтвердил эффективность теории моделирования личных имен. Обсуждение ее показало, что в некоторых направлениях она может быть углублена.

На конференции личные имена анализировались в их немаркированном употреблении, исследователи в основном исходили из контекстов, в которых проявляется нейтральная номинативная функция. Однако существуют ситуации, когда личное имя используется в узком (семейном) кругу, в диалоге, в присутствии имеющегося лица. Аспект стилистической ономастики был показан в выступлениях М. Шалинговой и М. Матяна. Было рекомендовано изучать модели и типы личных имен, их дистри-

буцию и использование во всех функциональных стилях литературного словацкого языка, как в плане синхронии, так и в плане диахронии.

Личные имена в неофициальном употреблении своей формой восходят к соответствующему диалекту. Р. Шрамек («О значении личных имен в диалекте») показал, что различие между оценкой антропонимического материала с точки зрения диалектологии и как составной части антропонимической системы состоит в том, что антропонимика позволяет системные модели именований и соответствующие словообразовательные типы, диалектология — только словообразовательные типы. Существенное различие проявляется и при картографировании имен собственных и апеллятивов: в сфере ономастики нельзя иметь дело с представителями явления. Л. Шмелик на богатом материале из Загорья рассматривал вопрос о том, как в фамилиях отражаются древние личные имена. Он говорил также о соотношении понятий «аппелятивность» — «собственность».

Конечная цель антропонимического исследования в Словакии — освещение системы именования лиц в ее современном функционировании и в ее развитии. На конференции было несколько докладов с исторической направленностью, в которых описывался материал, полученный при изучении архивов. Я. Дорула исследовал процесс возникновения некоторых типов фамилий на фоне отмирания апеллятивного значения (например, когда место происхождения, проживания, которое отражено в личном имени, не соответствует более позднему месту жительства поименованного лица). О. Галага подготавливает к печати самую старую городскую книгу Кошиц, которая содержит 20 000 личных имен (в том числе и словацкие). Личные имена, производные от списских топонимов, рассматривал Я. Валиска. Выступление Я. Кухара было посвящено вопросам социально-исторической антропонимии. Доклад Я. Скутилы о словацких антропонимах в Моравии привлек внимание интересным материалом, касающимся истории словацкой культуры. Я. Спал произвел анализ антропонимических и топонимических омонимических образований. Проблемы эволюции личных имен в Чехии рассматривал Ф. Цуржиш, который говорил о переходе личных имен со значением родственного отношения к одному лицу в разряд имен, выражающих отношение ко всей семье.

Итоги конференции важны для будущих исследований. В дальнейшем в основном силами педагогических факультетов (пока хорошие результаты дало участие педагогического факультета в Банской Быстрице) предстоит собрать материал примерно с 1/5 словацкой территории. Готовится вопросник по изучению

неофициальных личных имен, который будет опубликован в издании «Zpracováj místopisní koiníze» в целях унификации работы. На международной конференции по славянскому ономастическому атласу во Вроцлаве (1—3 июня 1970 г.) было зафиксировано, что одним из трех координационных центров по изучению славянской антропонимики будет Братислава (руководитель В. Бланар).

Материалы III словацкой ономастической конференции будут опубликованы (материалы I и II ономастических конференций уже вышли из печати). На конференции был утвержден тематический план трех будущих обсуждений. Центральной темой ближайшей конференции будет проблема языковой структуры собственного имени (1971), на последующих конференциях будут обсуждаться вопросы отражения в собственных именах результатов межязыковых контактов (1972) и основная проблематика микро-топии (1973).

В. Бланар (Братислава)

Перевел со словацкого
Л. Н. Смирнов

*

С 24 по 26 ноября 1970 г. в Горьком проходила республиканская научная конференция «Статистическое изучение стилей языка и стилей речи». Конференция была организована кафедрой русского языка и общего языкознания Горьковского ун-та и лабораторией семиотики Научно-исследовательского ин-та прикладной математики и кибернетики. В конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Саратова, Махачкалы, Уфы, Перми, Кишинева и Горького.

С докладами и сообщениями, посвященными результатам лингвостатистического эксперимента по исследованию стилей, выступили ученые-горьковчане.

В. Н. Головин познакомил слушателей с новой методикой анализа количественных соотношений языковых единиц и категорий как характеристик стилей языка и стилей речи.

В докладе Н. Д. Русинова рассказывалось о попытке применения вероятностно-статистической методики к анализу стилей речи в их эволюции.

В сообщениях сотрудников ГГУ Г. М. Логиновой, И. И. Тепловой, Н. Н. Лавровой, Л. А. Серебряковой говорилось о результатах статистических опытов по выявлению структуры и распределения элементов и категорий языка в научном стиле, а также в индивидуальных речевых стилях.

Заведующий лабораторией семиотики Института прикладной математики и ки-

бернетики при ГГУ В. А. Аграев доложил участникам конференции о создании с помощью ЭВМ фундаментальных справочных словарей. На ЭВМ получен экспериментальный словарь-каталог по 18 тому Полного собрания сочинений В. И. Ленина («Материализм и эмпириокритицизм»).

В докладе Р. Ю. Кобрина рассказывалось о новой методике лингвостатистического исследования специальных терминологий. Автором предложен формальный критерий выделения терминов из текста, основывающийся на статистике простых и составных терминов.

Снятием докладов и сообщений, посвященных результатам анализа статистической структуры текста, выступили члены группы «Статистика речи».

Р. Г. Пиотровский (Ленинград) рассказал об опытах по анализу статистической структуры различных групп текстов. Принципиальное значение, отметил Р. Г. Пиотровский, имеет создание строгой вероятностно-статистической методики для опознания ключевых слов и словосочетаний текста.

С. Г. Чапля, А. И. Чапля (Махачкала), А. В. Зубов (Минск) доложили о результатах экспериментов по автоматическому отнесению слова к речевому стилю. Им был предложен формальный метод совместного анализа нескольких частотных словарей, основанный на некоторых законах математической статистики.

В. И. Перевейнос (Киев) в своем докладе поставила задачу синтезирования такого квазитекста, в котором действуют лишь законы языка и статистические законы.

В совместном докладе О. Б. Сиротинной, Э. А. Ключковой, М. А. Кормилицыной (Саратов) рассказывалось о большом статистическом эксперименте по оценке характера различий между функциональными стилями, проводимом в Саратовском университете.

Большой интерес у участников конференции вызвали доклады Л. К. Граудинной и Л. П. Катлинской (Москва) об эксперименте по составлению частотного словаря грамматических вариантов по материалам русской газетной и устной речи, который проводился Институтом русского языка АН СССР. Данные обрабатывались на ЭЦВМ. Непосредственно в тексте словаря указываются две основные частотные характеристики: абсолютная частота вариантов грамматической формы и абсолютная и относительная частота вариантных типов.

Л. К. Каджазунни (Москва) доложила об опыте установления авторства анонимного текста на основании статистического анализа «подозреваемых» текстов. А. Я. Шайкевич (Москва) рассказал о статистике стилистических

и социальных различий (на материале комедий Шекспира).

В докладах Н. В. Черемисиной (Уфа) и А. П. Журавлева (Калининград) предпринималась попытка использовать статистический анализ как метод исследования ритмо-интонационной организации художественной речи.

Об экспериментах по оценке лексической сочетаемости элементов текста доложил Ю. А. Тулдава (Тарту).

Большой интерес у лингвистов вызывают методы корреляционного анализа текста. В докладе Т. А. Якубайтис (Рига) рассказывалось о первых опытах использования методики корреляционного анализа для исследования стилей языка и речи.

Кроме докладов, прочитанных на пленарных заседаниях, участники конференции прослушали ряд сообщений на двух секциях — лингво-статистического исследования научно-технических и художественных текстов.

Республиканская конференция привлекла рекомендации, намечающие проблематику дальнейших исследований в области стило-статистики.

Р. Ю. Кобрин (Горький)

*

30 сентября — 1 октября 1970 г. в Чебоксарах состоялась юбилейная научная сессия, посвященная столетию со дня рождения чл.-корр. АН СССР Н. И. Ашмарина; сессия была организована по решению Совета Министров Чувашской АССР Научно-исследовательским институтом при Совете Министров ЧАССР, Чувашским гос. ун-том им. И. Н. Ульянова и Чувашским пед. ин-том им. И. Я. Яковлева. Кроме филологов и историков Чувашии, в работе сессии приняли участие ученые Москвы, Казани и Уфы.

Открывая сессию, заместитель председателя Совета Министров ЧАССР Н. Е. Егоров охарактеризовал Н. И. Ашмарина как видного ученого-филолога, классика чувашского научного языкознания, внесшего в свое время огромный вклад в дело языкового строительства Чувашии. Исполнены глубокого смысла программные слова ученого, сказанные им в 1919 г.: «Вместе с интересами научными мною всегда руководили и соображения о необходимости научной работы для подъема культурного уровня чувашского народа, судьбы которого не менее близки моему сердцу, чем судьбы родного мне русского народа».

Многогранная деятельность Н. И. Ашмарина как ученого широкого научного диапазона нашла отражение в докладе чл.-корр. АПН СССР М. Я. Сиrotкина (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин и чувашская культура». За 40 лет непре-

рывной научно-педагогической деятельности ученым были созданы фундаментальные труды по языкознанию, фольклористике и истории, сыгравшие важную роль в развитии культуры и науки ранее отсталых народностей России. Эти труды сохранили свое значение до наших дней и широко используются представителями многих наук. Велики заслуги Н. И. Ашмарина в подготовке национальных кадров в области народного образования, просвещения, науки и культуры.

С докладом «Вклад Н. И. Ашмарина в татарскую филологию» выступил И. А. Абдуллин (Казань). Н. И. Ашмарин глубоко и по-новому впервые осветил многие вопросы истории татарского литературного языка и фольклористики; он известен в Татарии и как переводчик произведений татарской литературы. Большое внимание уделялось неопубликованным работам Н. И. Ашмарина, которые докладчик обнаружил в Центральном архиве ТАССР и ЦГИА (Ленинград), в числе их Обзоры казанско-татарской периодической печати за 1906—1912 гг.

Т. И. Тепляшина (Москва) в докладе «Н. И. Ашмарин и вопросы финно-угроведения» отметила, что ученый проявлял особый интерес к изучению взаимосвязей чувашского языка с другими поволжскими языками, в частности с соседними финно-угорскими (марийским, мордовским, пермским), а также с венгерским. Многочисленные лингвистические труды Н. И. Ашмарина открывают широкие возможности для создания сравнительно-исторических исследований в этой области. На основе изучения данных чувашских заимствований в марийском, мордовском и удмуртском языках, Н. И. Ашмарин пришел к заключению, что в древнечувашском языке, в частности, существовал заднеязычный носовый согласный р.

Т. М. Гаринов (Уфа) свой доклад «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина и болгаро-кыпчакские языковые параллели» посвятил вопросу о взаимодействиях тюркских языков болгаро-чувашской и кыпчакской группы. По мнению докладчика, семнадцатитомный «Словарь чувашского языка» Н. И. Ашмарина содержит богатый материал для сравнительно-исторического изучения чувашско-башкирских и чувашско-татарских языковых параллелей.

Н. П. Петров (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин как лексикограф» подробно рассмотрел историю составления и принципы построения фундаментального «Словаря чувашского языка» в семнадцати томах, охватившего свыше 40 тысяч слов и являющегося выдающимся памятником мировой лексикографической практики.

Об огромном значении словаря Н. И. Ашмарина в становлении и развитии словарного дела в Чувашии говорил

в докладе «Работа над чувашско-русскими и русско-чувашскими переводными словарями» Т. Ф. Медведкова (Москва). По ее словам, создание «Словаря чувашского языка», явившегося итогом тридцатилетней кропотливой работы, — это жизненный подвиг Н. И. Ашмарина, подобный подвигу В. И. Даля.

Выдающаяся роль Н. И. Ашмарина в разработке синтаксиса чувашского языка была показана в докладе И. А. Андреева (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин и проблемы чувашского синтаксиса». В своем двухтомном «Опыте исследования чувашского синтаксиса» ученый впервые подметил и описал тончайшие особенности построения чувашской речи.

В. И. Котлеев (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин и проблемы чувашской фонетики и фонологии» подчеркнул, что изучение научного наследия Н. И. Ашмарина, создавшего первый систематизированный научный курс фонетики чувашского языка, выдвигает перед чувашскими фонологами новые проблемы и задачи; рассмотрению этих проблем была посвящена основная часть доклада.

П. Г. Добродомов (Москва) в докладе «Н. И. Ашмарин как этимолог» отметил, что в работах Н. И. Ашмарина встречаются интересные этимологические комментарии, которые зачастую опережали свое время, отличаясь аргументированностью, доказательной силой; они составляют ценный материал для чувашской исторической лексикологии.

Отдельные чувашские этимологии (*сурдатури* ~ *сороти* «обряд гадания под Новый год», *аластай* «злой дух, пристающий к человеку», *кулакий* «подушная податка» и некот. др.) из трудов Н. И. Ашмарина продемонстрировал в своем сообщении Р. Г. Ахметьянов (Казань).

Л. П. Сергеев (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин как диалектолог» рассмотрел основные труды ученого, посвященные говорам чувашского языка, и неопубликованные диалектологические заметки, хранящиеся в архиве НИИ при Совете Министров Чувашской АССР.

Деятельность профессора Н. И. Ашмарина в области русистики и методики преподавания русского языка охарактеризовал И. Т. Сергеев (Чебоксары) в сообщении «Н. И. Ашмарин как методист и составитель учебника русского языка для нерусских».

М. И. Скворцов (Москва) в докладе «Терминология ремесел в «Словаре чувашского языка» Н. И. Ашмарина», подчеркнув, сколь важно изучать народную терминологию для разработки принципов и методов современной терминологической науки, выделил и проанализировал основные группы народных терминов профессионального ремесла по отраслям, а также в структурно-семантическом и историко-этимологическом планах.

Г. А. Анисимов (Чебоксары) в сообщении «Н. И. Ашмарин и некоторые вопросы аспектологии» отметил, что одним из первых тюркологов, высказавших мысль об отсутствии в тюркских языках категории вида, был Н. И. Ашмарин; ученый впервые установил и показал функциональные особенности чувашских глагольных форм в передаче тех или иных видовых значений.

Сообщение А. А. Алексеева (Чебоксары) было посвящено высказываниям Н. И. Ашмарина по проблемам создания чувашского литературного языка. Этой же проблеме посвящал свое выступление Н. А. Андреев (Чебоксары).

М. Р. Федотов (Чебоксары) в докладе «Н. И. Ашмарин и В. Б. Радлов о происхождении чувашского языка» высказал мысль о том, что чувашский язык как один из древнейших языков алтайской семьи сохранил некоторые черты и элементы (в частности, ротапизм и ламбдаизм) тунгусо-маньчжурских и монгольских языков, относящихся к I—II вв. н. э.

На вопросах психолингвистической природы консонантных сочетаний в чувашском языке и на взглядах Н. И. Ашмарина как фонетиста остановился в своем сообщении Т. П. Петров (Москва).

В докладе В. Ф. Каховского (Чебоксары) «Н. И. Ашмарин о происхождении чувашского народа» рассматривалась болгарская теория происхождения чувашей. Ученый еще в конце прошлого века дал лингвистическое обоснование этой теории, тем самым положив начало новому этапу в изучении древней истории чувашского народа.

Г. Н. Волков (Чебоксары) в докладе «Словарь Н. И. Ашмарина как источник этнопедагогических исследований» указал, что среди богатейшего иллюстративного материала словаря содержатся многочисленные примеры, касающиеся народной педагогики чувашей. Пристальное внимание Н. И. Ашмарина к педагогической культуре чувашского народа, собранный им и тщательно обработанный этнопедагогический материал — лишний свидетельством об энциклопедической деятельности выдающегося ученого.

Н. И. Ашмарина как этнографа и как фольклориста и исследователя устного народного творчества чувашей охарактеризовали в своих сообщениях П. В. Денисов (Чебоксары) и Е. С. Сидорова (Чебоксары).

В заключение с воспоминаниями о Н. И. Ашмарине выступили его ученики А. И. Иванов (Чебоксары), М. Н. Николаев (Чебоксары), И. Ф. Римапов (Москва) и А. С. Львов (Москва) прислали на конференцию свои воспоминания об ученом.

И. Т. Сергеев (Чебоксары)

*

9—12 февраля 1971 г. в Ленинграде состоялась конференция «Ареальные исследования в языкознании и этнографии», организованная ЛО Института языкознания и Институт этнографии АН СССР¹. В работе конференции приняли участие ученые Ленинграда, Москвы, Киева, Минска, Кишинева, Алма-Аты, Риги, Вильнюса, Душанбе, Свердловска, Львова и других городов. На семи заседаниях участники конференции прослушали и обсудили 25 докладов и 27 сообщений по общим и частным проблемам ареальных исследований в языкознании, этнографии, фольклористике и смежных дисциплинах, а также по методике и источникам картографирования. Со времени первой конференции «Проблемы лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии» (Москва, Институт славяноведения АН СССР, 1964 г.) намечались значительные сдвиги в области применения ареальных методов в отечественной науке, задачах и технике этих исследований.

Основоположником и одним из организаторов исследований по лингвистической географии в Советском Союзе, главным образом полевой диалектологии, был акад. В. М. Жирмунский, который внес немалый вклад и в подготовку состоявшейся конференции как председатель ее оргкомитета. Памяти В. М. Жирмунского было посвящено выступительное слово члена-корр. А. В. Десницкой (Ленинград). Отметив, какое огромное значение придавал В. М. Жирмунский развитию лингвогеографической науки, его участие в подготовке «Русского диалектологического атласа» и «Диалектологического атласа тюркских языков СССР», заслуги в обобщении результатов германской школы «диалектографии» и развитии немецкой диалектологии, А. В. Десницкая указала, что диалектные факты в их пространственной динамике она неизменно помещал в историческую перспективу, бытование языка рассматривал в неразрывной связи с экономической, политической и культурной историей народа.

С. И. Брук (Москва) в совместном с В. И. Козловым докладе «Основные проблемы этно-демографического картографирования» рассказал о достижениях этнографических исследований, которые позволили приступить к созданию «Общоевропейского историко-этнографического атласа». О достижениях советской науки в этом направлении свидетельствуют три раздела историко-этно-

графического атласа «Русские», «Атлас Сибири» и заслуживший международное признание «Атлас народов мира», в котором подытожен двадцатилетний опыт составления этно-лингвистических карт. В докладе отмечена также тенденция «демографизации» ряда общественных наук, поскольку многие социологические проблемы не могут быть решены без учета этнической и исторической обусловленности социальных явлений. Остановившись на методике составления атласов, С. И. Брук подчеркнул значение программы для фиксации, обобщения и систематизации материала и отметил стремление к показу явлений в динамике, целевое назначение карты, обуславливающее ее характер и содержание.

В докладе «Проблемы картографирования обрядов и обрядового фольклора» К. В. Чистовым (Ленинград) был поставлен целый ряд практических задач, связанных с превращением карты из метода показа, идущего от исторического детерминизма лингвогеографической школы Ж. Жильберона, в метод исследования. В связи с этим были рассмотрены следующие проблемы: границы и характер региональных атласов, соотношение языковых явлений и явлений духовной культуры, законы проницаемости ареалов и их локальные отличия, картографирование изофункциональных элементов и элементов на разных уровнях, система критики источников. Было указано на условие полноты материала и на значение его количественной оценки, густоты опорной сети, значение лексических элементов и приемов картографирования. Сложность поставленной задачи заключается в необходимости создания системы сопоставимых карт; эта проблема возникает уже при определении их предварительного списка.

Языкознание на пленарном заседании было представлено докладом Л. Г. Герценберга (Ленинград) «Ареальные методы в индоевропеистике». Напомнив о роли «географического принципа» Шлейхера (диатропической интерпретации), о значении, которое придавали территориальной дифференциации языков Мейе и Вандриес, о двух факторах, отмеченных В. М. Жирмунским в лингвистических процессах, — развитие языковых законов и изменчивость языковых границ, докладчик подробно остановился на проблеме праязыка и реконструкции праязыкового состояния в разных измерениях; эта проблема тесно связана с историческим движением изоглосс, синхронно отражаемых методами ареальной лингвистики. Основные задачи, стоящие перед лингвистической географией в индоевропеистике, — проблема происхождения глагола, дифференциальное изучение изоглосс, исходя из внутренней структуры языка, комплексные исследования культуры.

¹ «Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Тезисы докладов и сообщений)», Л., 1971. Предполагается также полная публикация материалов конференции.

В докладе Н. И. Толстого (Москва) «О традициях и результатах исследований, связанных с этнолингвистической школой К. Мошницкого» было отмечено, что лингвистическая география, понимаемая в структурно-типологическом духе или синхронно-типологическом в лексико-семантической сфере, развивалась «от этнографии к этнографии». Н. И. Толстой указал на три фактора, которые проявляются в лингво-географии: внутриязыковые, «экстернолингвистические» (т. е. внешняя история языка) и экстралингвистические (или внеязыковые), в том числе этнографические. С учетом этого необходимо разработать типологию материальной и духовной культуры для лингвистических целей, привлекая печатные и рукописные свидетельства о состоянии изучаемого региона. В этом отношении показателен опыт К. Мошницкого по реконструкции праславянского состояния. Основная заслуга созданной им школы в лингвистике (Ю. Тарнацкий, А. Заремба, М. Купала, П. Бонка) — практическое применение теории семантического поля и разработка семантической типологии родственных диалектов (языков). Н. И. Толстой подчеркнул значение картографирования микросистем, в частности семантического микрополя (а не атомарно взятых явлений), что имеет практическое значение и в этногеографии.

А. С. Герд и В. М. Мокленко (Ленинград) в совместном докладе «Славянские диалектные зоны по словообразовательным и лексическим признакам» показали возможность решения некоторых вопросов этногенеза ареальными методами. В порядке обсуждения было отмечено, что предлагаемые авторами классификации интересны не просто противопоставлениями, а изоглоссами внутри языков (Н. И. Толстой).

В докладе М. А. Бородиной (Ленинград) «Разноаспектность и основные понятия ареальных исследований» на примере выделения и интерпретации ареалов (изолиний) в лингвистике, этнографии и в ботанике (фитохорология) были раскрыты общность проблематики и специфика применения метода в этих науках. Лингвистические ареалы тесно связаны с историческими и этнографическими. Соответственно по методу исследования между лингво- и этногеографией много общего, в частности — условность понятия «граница», проблема интернационального и национального фонда, отсутствие «чистоты» языка и этноса, существенность критерия национального самосознания при определении языка и этноса. Однако, например, понятие «территория» имеет разное значение и разную обусловленность в лингвистике и этнографии. В последнее время все большее распространение получает лингво-

этнографическое направление в ареальных исследованиях. Создаются комплексные лингво-этнографические атласы (этот тип особенно распространен среди атласов романских языков), в которых исследование терминов тесно связано с изучением соответствующих элементов материальной культуры. Комплексность — одна из характерных черт ареальных исследований.

Подчеркнув практическое значение доклада М. А. Бородиной в связи с развитием методов картографирования, К. В. Чистов указал на неразработанность в этнографии типологии ареалов и типологии процессов, которые ведут к их образованию. И. Г. Левин (Душанбе) отметил, что общетеоретические проблемы толкования карты как общего понятия для всех наук были заложены уже школой ландшафтоведения и что не географический метод, а метод картограммы определяет существо ареальных исследований.

А. М. Мухин (Ленинград) в сообщении «О некоторых теоретических понятиях и методах лингвистической географии» рассмотрел возможность обоснования лингвогеографии как метода моделирования явлений языка и поставил возникающую в связи с этим проблему наглядности моделей.

Историческому развитию идеи пространственного подхода к языковым факторам было посвящено сообщение А. А. Касаткина (Ленинград) об исследователях итальянских диалектов Леонардо Сальвиати (XVI в.) и Джованни Папанти (XIX в.). В связи с сообщением Н. Н. Мильмана (Пермь) «Значение текстов в лингвогеографических исследованиях» была отмечена перспективность извлечения изоглосс (ареалов) из письменных источников и указано на необходимость дифференциации понятия «старых текстов» (И. Г. Герценберг), поскольку наличие в ряде языков (в частности — в персоязычной литературе) сильной нормы не позволяет осуществлять их диалектную атрибуцию.

Докладами В. А. Никонорова (Москва) «Проблемы ономастических ареалов» и А. К. Матвеева (Свердловск) «Ареальные исследования в этимологии субстратных топонимов» проблема интерпретации ареалов была поставлена на топонимическом и ономастическом материале (межрегиональные и внутрирегиональные ареалы, соотносимость понятия «регион — ареал» и др.). В. А. Никонов поднял также вопрос о статистической оценке изоглосс.

Практическим вопросом составления и интерпретации лингвистических карт был посвящен доклад Р. Я. Удлера и В. К. Павела (Кишинев) «Лингвогеографические исследования материальных Молдавского лингвистического атласа». Лексический материал в молдав-

ском атласе представлен по типу «слова и вещи». При анализе карт обнаруживается, что даже незначительные различия в материальной культуре ведут к разнообразию словаря, а сходство между предметами по форме или по функциям предопределяет наименование различных реалий одним термином. Лингво-этнографический анализ названий непосредственно связан с изучением словообразовательной структуры, этимологии и статистической соотносительности лексики. Такой анализ на материалах этого атласа был проделан В. С. С о р б а л ь (Одесса) в докладе «Из опыта этимологической интерпретации лингво-этнографических карт».

Лингвистические атласы романских языков, общее число которых приближается к 60, позволяют установить межязыковые изоглоссы для всей романской территории, благодаря синтетической подаче материала на карте непосредственно в фонетической записи. Однако все эти атласы не только отличаются своими задачами, методикой составления и характером материала, но по-разному дифференцируют фонетический уровень языков и используют различные транскрипционные системы. О проекте унифицированной транскрипции для романских атласов на основе понятия «звукотипа» сообщила В. П. Д а н и л о в а (Ленинград). Определению ареалов вспомогательных глаголов при местоименных глаголах во французском, итальянском и ретороманском языках на материале атласов и текстов было посвящено сообщение И. С. К о ш е л е в о й (Горький). Вопросы методики составления национальных и региональных атласов в романской и германской школах лингвогеографии были рассмотрены в сообщении М. Г. В о л о х (Киев).

Метод статистического анализа материала для лингвистического картографирования был предложен Н. Н. П ш е н и ч н о в о й (Москва) на примере существования конечных *ф* и *х* в формах род. и предл. падежей мн. числа прилагательных в русских говорах. К проблеме лингвистических ареалов и регионального соотношения этнографических явлений обратился Ю. В. М а р е т и н (Ленинград) на примере картографирования адатных зон (зон распространения различных систем обычного права) народов Индонезии.

Тема типологии ареалов и характера обусловленности изоглосс была задана докладом Т. В. Н а з а р о в о й (Киев) «К проблеме типологии диалектных ареалов», указавшей, что лингвогеографический анализ предполагает возможность оперировать ареалами как самостоятельными пространственно-лингвистическими единицами. Задачи типологии диалектных ареалов были сформулированы как сопоставление однозначных ареалов

с точки зрения существования адекватных (неадекватных) ареалов в тождественных (не тождественных) ареальных ситуациях. В соответствии с этим Т. В. Назаровой были предложены четыре типа однозначных ареалов: адекватные; адекватные материально, сходные дистрибутивно или функционально; обладающие материальным подобием при тождестве дистрибутивным или функциональным; неадекватные. Доклад вызвал замечание, что типология лингвистических ареалов не может быть единой, должно быть несколько «неизоморфных» систем в зависимости от уровня противопоставлений (В. А. Никонов).

Обусловленности лингвистических изоглосс историческими данными на примере «Лингвистического атласа департамента Восточные Пиренеи» А. Гитэ было посвящено сообщение Е. Н. М а м с у р о в о й (Ленинград). Попытка предварительного анализа сложившихся принципов картографирования языкового материала и методических предпосылок лингвистических атласов была сделана в докладе Н. Л. С у х а ч е в а (Ленинград) «Типы лингвистических атласов и характер карт».

А. С. С о к о л о в с к а я (Минск), анализируя лингвогеографию лексем *гачи* и *ноговици* в восточнославянских языках и их дополнительное распределение к синонимичной лексике, пришла к выводу, что их значения обусловлены единством обозначаемого в праславянском языке.

А. А. Б о д н и к (Львов) на примере народной терминологии домашнего промысла Западного Прикарпатья и Закарпатья (в частности — ткачества и суконделия) показал, что изучение лексики бойковского говора наиболее приемлемо для установления географических границ распространения этих промыслов.

На примерах исторического истолкования территориальных языковых показателей по материалам «Диалектологического атласа белорусского языка» остановилась Л. Т. В ы г о н н а я (Минск) в сообщении «К интерпретации лексических карт».

Доклад С. В. Б р о м л е й (Москва) о проекте сводного «Диалектологического атласа русского языка», который будет охватывать наиболее древнюю территорию распространения русских говоров с общим количеством населенных пунктов около пяти тысяч, был прочитан Н. Н. Пшеничновой. После составления атласа в распоряжении исследователей (диалектологов и историков языка) окажутся источники двух типов: региональные атласы и сводный. Первые сохраняют свое значение для исследований, требующих детального и интенсивного изучения материала; сводный атлас откроет принципиально новые возможности для ретроспективного изучения состояния язы-

ковых групп на разных этапах их существования, а также процессов формирования диалектных групп в связи с историей их носителей.

Проблема картографирования материальной культуры русского населения Сибири был посвящен доклад Л. М. Сабуровой (Ленинград). В условиях Сибири, где исследователь сталкивается со своего рода естественной «моделью», характеризующей изменчивость русской культуры под влиянием факторов различного порядка (природных, экономических, социальных, этнических), особенное значение приобретает комплексный метод исследования, обращение к диалектологии — изучение лексики, прежде всего терминологической и всего диалектного строя языка.

Г. С. Маслова (Москва) в докладе «Значение картографирования русского традиционного костюма для этногенетических исследований (итоги и задачи изучения)» поставила задачу картографирования орнамента в русской народной одежде Европейской части СССР на основе выработки его типологии с учетом комплекса признаков.

П. А. Рапцпорт (Ленинград) в докладе «Картографирование типов древнерусского жилища по археологическим данным» показал возможности выявления закономерностей развития жилища в лесостепной зоне по состоянию отдельных его элементов в различные исторические периоды (от VI до XIII в.).

М. Г. Рабинович (Москва) в докладе «К методике этнографического картографирования» указал, что особенно важно рассматривать явления материальной и духовной культуры в их историческом развитии — на карте это нагляднее всего можно отобразить с помощью количественного показателя. Одним из основных этапов историко-этнографического картографирования в докладе признается изучение и сведение воедино всех разнохарактерных источников — материалов экспедиционных исследований, музейных коллекций, архивных документов, научной литературы, произведений искусства соответствующих периодов. Подробно остановившись на опыте определения типов жилища в атласе «Русские» с помощью количественного показателя, докладчик поставил вопрос о выборе исторических рубежей для картографирования и определения территориальной единицы. Отметив, что в атласе «Русские» применен метод показа развития народной культуры на сопоставляемых картах по соответствующим периодам, М. Г. Рабинович подчеркнул возможность использования метода динамических ареалов (см. доклад М. А. Бородиной), но при условии сохранения наглядности этнографической карты.

В сообщениях уделялось внимание вопросу выявления внутренней формы сло-

ва по лингвогеографическим данным (И. И. Серман, Ленинград), а также возможностям картографирования лингвогеографической интерпретации синтаксических явлений; последнему вопросу были посвящены сообщения И. В. Кузьминой и Е. В. Немченко (Москва) «О характере синтаксических различий русских говоров и их картографировании» и А. А. Смольевского (Ленинград) «О картографировании синтаксических явлений (в лингвистических атласах Италии и Франции)».

Необходимость внедрения ареальных методов исследования в музыкальной фольклористике была подчеркнута в выступлении Н. Л. Котиковой (Ленинград).

В порядке обсуждения было отмечено, что при картографировании этнографических реалий с увеличением информации уменьшается возможность применения метода динамических ареалов; необходимо тщательное рассмотрение методики картографирования (М. Г. Рабинович). Е. Н. Студенецкая (Ленинград) подчеркнула, что совместное обсуждение вопросов картографирования лингвистами и этнографами должно стать постоянным условием работы.

В докладе Т. А. Жданко (Москва) «Картографирование в агроэтнографии (на примере Средней Азии)» сообщалось о подготовке историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана.

Отдельным разработкам по программе этого атласа были посвящены доклад Г. П. Снесарева (Москва) «Опыт картографирования некоторых элементов духовной культуры в сочетании с картографированием этническим и диалектологическим (на примере населения Хорезмской области Узбекской ССР)» и сообщение Н. А. Кислякова (Ленинград) «Земледелие и ирригация в историко-этнографическом атласе Средней Азии (на примере Таджикской ССР)». О некоторых общих и локальных чертах в одежде народов Северного Кавказа и их отражении в терминологии сообщила Е. Н. Студенецкая (по итогам работ над картами раздела «Одежда» Кавказского атласа).

В докладе Ф. П. Сорокалетова и И. А. Попова (Ленинград) «Областные словари как источник лексических ареальных исследований» намечена возможность использования различных типов словарей диалектов в лингвогеографических целях: если атлас ставит своей целью картографирование ограниченного круга лексики, то словари дают сведения о территории распространения всех зафиксированных в них слов.

В докладе И. М. Стебляна-Камenskого и А. Л. Грюнберга (Ленинград) «Этнолингвистическая характеристика восточного Гиндукуша» был

дан обзор этого уникального региона, в котором сосуществуют в тесном контакте языки и диалекты, относящиеся к различным языковым семьям и группам. Пучки изоглосс и сопутствующие им этнографические схождения достаточно четко очерчивают здесь три этнолингвистические общности — восточно-бадахшанскую, кафирскую и дардскую, в формировании которых особую роль сыграли географические условия. Этому же региону было посвящено сообщение Р. Х. Додыхудоева (Душанбе) «Ареально-историческая интерпретация микропонимки Пампра».

В сообщении Ф. Д. Климчука (Минск) «Об одном из диалектных типов в Южной Брестщине» на основе анализа диалектных особенностей островных «тороканских» говоров (Брестская область БССР) было высказано предположение о возможности их генетического родства со средненадбужанскими говорами (Волинская и Львовская области УССР).

На заключительном заседании Э. Р. Тенишев (Москва) информировал о состоянии работы над «Диалектологическим атласом тюркских языков Советского Союза». За подготовкой этого атласа внимательно следил В. М. Жирмунский, указавший, в частности, на необходимость издания пробных карт атласа, которые могли бы стать предметом широкого научного обсуждения.

О постановке ареальных исследований в Таджикистане и Армении на примере картографирования фольклорных сюжетов сообщил И. Г. Левин, особо отметивший необходимость разработки критериев выделения регионов в их современном состоянии с учетом ряда внутренних существенных взаимосвязей. На использовании лингвистических данных в этнической картографии и специфике языка как основного определителя этноса остановился П. И. Пучков (Москва).

В заключительных выступлениях была отмечена необходимость дальнейшего обмена мнениями по теоретическим и «техническим» проблемам ареальных исследований. Было указано также, что изоглоссы не есть нечто пезыблемое, нужно освободиться от фетишизации изоглосс и выбирать их в зависимости от целей картографирования (Н. И. Толстой).

Л. Г. Герценберг отметил, что предложенная И. Г. Левиным задача выделения современных культурных ареалов или регионов связана с вопросом о методике картографирования, а это может привести к выводам, обусловленным системой сбора материала.

А. С. Герд указал, что картографирование фактов или систем определяется прежде всего структурой семантической группы.

С. И. Брук в заключительном слове подчеркнул, что картографирование — это не только наиболее наглядный метод выражения пространственно дифференцируемых явлений. Для хронологических наук ареальный метод служит источником познания новых закономерностей. Сопоставление карт различных территорий и разных периодов позволяет обнаружить те факты и причинные связи, которые не поддаются выявлению другими методами. Методика ареальных исследований, разработанная более детально в лингвистике (проблема типологии ареалов, определение их возраста и генезиса, выявление динамики карты), может быть перенесена на чтение и интерпретацию этнографических карт, что способствовало бы обобщению материала. В то же время возрастает интерес к комплексным лингвоэтнографическим исследованиям, более всего проявившийся в романской школе лингвистической географии. Тесно связаны с проблемами языка многие сюжеты историко-этнографических атласов (в частности — в области терминологии). Конференция еще раз показала, что общность методических, теоретических и практических проблем, существующих в лингвистической и этнической географии, не сводится только к общности методики исследования, она базируется прежде всего на исторической реальности диалекта и этнографической группы. Многие в этом направлении было сделано в трудах В. М. Жирмунского.

В принятой участниками конференции резолюции указано на необходимость проводить подобные встречи систематически с привлечением не только языковедов и этнографов, но и представителей других наук (фольклористики, антропологии, истории). Высказано также пожелание проводить совместные экспедиции этнографов и лингвистов, занимающихся исследованием одних регионов, организовывать ежегодные совещания по ареальным исследованиям и региональные симпозиумы по проблемам картографирования с привлечением участников региональных этнографических атласов Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, диалектологов и представителей других общественных наук, применяющих ареальные методы исследования.

Н. Л. Сухачев (Ленинград)

Articles: Academician V. M. Zirmunskij as a linguist; V. M. Z i r m u n s k i j. Notes on the preparation of «Dialectological atlas of the Turkic languages»; G. A. K l i m o v (Moscow). Problems of comparative linguistics in the works of F. Engels; Discussions: N. Y. S v e d o v a (Moscow). On syntactic potentialities of the word-form; H. V o g t (Oslo). Indo-European languages and methods of comparative linguistics; G. A. B r y z g u n o v a (Moscow). Possibilities of meaning-differentiation by intonation in Russian; V. V. K o l e s o v (Leningrad). Phonological characteristics of phonetic dialectal features; N. P. S u s o v (Tula). Evaluation of the conventionalist conception of reality of linguistic units; Materials and notes G. K. V e n e d i k t o v (Moscow). Dialectal base of the Bulgarian literary language at the time of the Renaissance; From the linguistic heritage: N. N. D u r n o v o. On the declension in modern Great Russian literary language; Critics and bibliography Scientific life.

S O M M A I R E

Articles: Académicien V. M. Zirmounskij comme linguiste; V. M. Z i r m o u n s k i j. Remarques sur la préparation de «L'Atlas dialectologique des langues turciques»; G. A. K l i m o v (Moscou). Problèmes de linguistique comparée dans les oeuvres de F. Engels; Discussions: N. Y. S v e d o v a (Moscou). Sur les potentialités syntactiques de la forme du mot; H. V o g t (Oslo). Les langues indo-européennes et méthodes comparatives; G. A. B r y z g u n o v a (Moscou). Possibilités de différenciation du sens au moyen de l'intonation en russe; V. V. K o l e s o v (Léningrad). Caractéristique phonologique des traits phonétiques des dialectes; N. P. S o u s o v (Toula). Evaluation de la conception conventionnaliste sur la réalité des unités linguistiques; Matériaux et notices: G. K. V e n e d i k t o v (Moscou). Fondement dialectal de la langue bulgare littéraire au temps de la Renaissance; De l'héritage linguistique; N. N. D o u r n o v o. De la déclinaison en grand-russe littéraire moderne; Critique et bibliographie; Vie scientifique.

Технический редактор З. В. Филиппова

Сдано в набор 28/IV-1971 г. Т.-08579 Подписано к печати 25/VI-1971 г. Тираж 6765 экз.
Зак. 2217 Формат бумаги 70×108/16 Печ. л. 13,3 Бум. л. 4³/₄ Уч.-изд. л. 15,8

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10